



Н.Н.Гудалов
**ТРИ ЛИКА ЛЕВИАФАНА:
РАЦИОНАЛЬНОСТЬ,
ИНСТИТУТЫ, ИДЕИ**

**Коктыш К.Е. Дискурс рационализма, свободы и демократии.
М.: МГИМО-Университет, 2021. — 320 [1] с.**

Николай Николаевич Гудалов — кандидат политических наук, доцент кафедры европейских исследований факультета международных отношений СПбГУ. Для связи с автором: n.gudalov@spbu.ru.

Аннотация. Центральная тема монографии Кирилла Коктыша — вопросы оформления языков политической науки. Эти языки многообразны, но автор анализирует их через три базовых понятия — рационализма, институтов и идей. Мастерски комбинируя ограниченное число понятий, он выстраивает масштабную конструкцию, показывая, как именно можно изучать языки описания политики.

Согласно Коктышу, рациональное конструируется конкретными институтами. Выделены три института, восходящие к трем функциям индоевропейских богов, отмеченным Жоржем Дюмезилем, и соответствующие трем функциям политики, — «вождь» (принимает решения), «жрец» (формирует и поддерживает нормы) и «купец» (занимается экономическим производством). Эти институты стремятся распространить свою рациональность на все общество, задействуя в этих целях три «большие идеи» — порядка, справедливости, свободы. По заключению автора, базой стабильных социальных состояний — «политических архитектур» — являются институты вождя и жреца, и именно отношения между ними определяют специфику таких «архитектур». При этом в книге уделено внимание не только статике, но и динамике. Используемый автором когнитивно-структурный метод позволяет ему исследовать трансформации обществ через анализ изменений рационализма, институтов и идей.

Книга Коктыша ценна не только своей проблемной новизной и фундаментальностью, но и тем, что намечает важные направления для дискуссии. Одно из таких направлений касается популярной критики Просвещения, с которой солидаризуется автор, а также оправданности сведения рациональности к не более чем производным определенных социальных контекстов; другое — оценки англо-американской модели демократии, которой отказывается в способности генерировать общезначимые смыслы.

Во многих отношениях сама эта книга представляет собой весомый вклад в рациональную дискуссию о политике, убедительно демонстрируя, насколько сложны и неуловимы понятия политической науки.

Ключевые слова: политическая философия, политические понятия, рациональность, институты, идеи

¹ См., напр. Ball 1985; Pettit 2008; Gunnell 2020; Gudalov 2021.

² Steinberger 2015; Gudalov 2021.

³ Ряд положений книги был апробирован в журнале «Полития» (см. Коктыш 2016а, 2016b, 2016с, 2017, 2019).

⁴ Steinberger 2015.

⁵ Gudalov 2021.

⁶ Дюмезиль 1986: 25.

Внимание к языку в политической теории не ослабевает¹. Звучат и призывы к уточнению понятия рациональности, несмотря на ее инструменталистское сужение и постмодернистскую девальвацию². Требуются дополнения к неоинституционализму, чтобы в должной мере учесть социальную динамику. Продолжается рефлексия о ключевых идеях политики. Все эти актуальные — и «вечные» — темы языка, рациональности, институтов и идей увязывает в своей новой монографии доцент кафедры политической теории МГИМО МИД России Кирилл Коктыш³.

Центральная тема монографии — вопросы «оформления языков политической науки» (с. 7). Эти языки многообразны и сменяли друг друга, но автор анализирует их через три базовых понятия — рационализма, институтов и идей. Мастерски комбинируя ограниченное число понятий, Коктыш выстраивает масштабную конструкцию, показывая, как именно можно изучать языки описания политики, — а такой конкретики часто не хватает.

Анализируя понятие рационального, автор обращается к его «онтологии» (с. 28). По его мнению, картины мира, задающие рамки рационального, различаются. Рациональное конструируется конкретными субъектами — институтами — в процессе познания и должно отвечать их установкам.

Внимание Коктыша к рациональности очень важно — его в политической науке все еще недостаточно⁴. Инструменталистские подходы оценивают с точки зрения практической рациональности лишь средства, игнорируя то, «каким образом ставятся цели и каким образом эти цели могут быть рациональными» (с. 28). Неполны и подходы, сводящие рациональность к индивидуализму⁵. Рациональность часто огульно критикуется постмодернистами. Но они правы в том, что «единственно рациональными» нередко провозглашаются субъективные, наивные и опасные догмы. Учитывая все это, нужно прояснять, в связи с чем некоторые цели объявляются рациональными, и Коктыш как раз стремится дойти до самой основы того, каким образом субъекты конструируют рациональность. Он преодолевает и индивидуализм, поскольку пишет о коллективных субъектах — институтах. Наконец, следует в определенной мере признать (вслед за автором), что рациональность в разных контекстах разная, — это предохраняет от ее догматичного понимания.

Коктыш выделяет три института, восходящих к трем функциям индоевропейских богов, отмеченных Жоржем Дюмезилем⁶, — вождя,

жреца и купца. Они соответствуют трем функциям политики: «принятие решений; формирование и поддержание норм; экономическое воспроизводство» (с. 39—40). Рациональным для каждого института будет распространение своей логики на все общество. Но придать этой логике легитимность они могут лишь через «большие идеи» (с. 43—45). Их тоже три — порядок, справедливость, свобода.

Вождь и жрец были базой «стабильных социальных состояний» — «политических архитектур», то есть структур из нескольких институтов (с. 84—133). Купец, по оценке автора, появился позже вождя и жреца и не может прямо легитимировать себя политически в глазах общества, поскольку для купца фундаментален индивид. Исторические примеры архитектур — католическая (вождь подчинен жрецу); протестантская (жрец подчинен вождю); православная (равенство жреца и вождя); даосско-конфуцианская в Китае и индуистско-буддистская в Индии (прямое взаимодействие вождя и жреца отсутствует, каждый по-своему взаимодействует с обществом).

Логично, что Коктыш уделяет внимание не только «архитектонике», но и динамике. В этом преимущество его «когнитивно-структурного метода», учитывающего ряд аспектов «развития и... самоосознания институтов» (с. 9), которые часто затушевываются неоинституционалистами. Автор исследует трансформации обществ через смену — в том или ином порядке — рационализма, институтов и идей.

Так, приход Модерна связывается с Англией. В результате религиозной реформы Генриха VIII вождь поглотил жреца. Затем купец, все больше богатеющий благодаря протестантской этике, убил вождя (Карла I). Протестантизм вел к индивидуализму мировоззрений, и единым мерилom спасения стала купля-продажа. Согласно Коктышу, Томас Гоббс обосновал рационализм собственности, идею свободы как реализации прав собственности и, наконец, власть как институт, гарантировавший собственность и свободу. И вождь, и жрец подчинились купцу.

Иным был путь Франции. Вольтерьянская свобода, отрицавшая любые нормы, в том числе применительно к собственности, превратилась в идею, а потом — в рационализм. Но слабыми оказались институты. Шарль-Луи Монтескье видел в государстве потенциальное зло, отсюда — идеи разделения и выборности властей; у Жан-Жака Руссо свобода «общей воли» почти не ограничена, и не ясно, кто ее трактует. В отличие от Англии, для Франции был характерен внутренний конфликт свободы с собственностью и государством.

По оценке Коктыша, после эпохи Просвещения во многих случаях верх взял купец. Гоббсовская парадигма победила и интегрировала руссоистскую. В основу политической системы США лег рационализм собственности. Вождь выступает там лишь в роли «наемного политического менеджера» (с. 254). Наконец, идейными оправданиями американской политической системы стали принцип «разделяй и властвуй» (здесь и включается просвещенческий взгляд на государство как на

возможную угрозу), страх перед несогласным с купцом большинством, расщепление общества на меньшинство.

Возвышение купца нашло отражение также в британском колониализме. Так, Ост-Индская компания, занимавшаяся грабежом, породила парадокс: присвоение чужой собственности, считавшейся в метрополии священной, в колониях воспринималось как вполне легитимное. Его разрешил Джеймс Милль, просто поставив британского купца выше «недоразвитых» индийских фигур вождя и жреца. Затем был задействован концепт свободной торговли, прежде всего усилиями Джона Стюарта Милля. Внешне отрицая колониализм, этот концепт на деле помогал британской экспансии. Идеи «невидимой руки» и «мирового рынка» подавались как неумолимый прогресс, оправдывая сотрудничество с купцом элит из колоний.

Базируется на протестантском рационализме и развитие американского концепта демократизации. Этот концепт включил в себя вильсоновский принцип права наций на самоопределение (в котором нашло отражение стремление разделять народы и властвовать над ними) и институт выборов, а также американскую идею свободы корпораций. В рамках такой демократизации жрец остается призрачным, причем протестантизм сменяет идея прав и свобод человека. Она предполагает также, что вождь создается на выборах, управляемых купцом: у последнего есть деньги, а в обществе, делящемся на все новые меньшинства, ему не нужно абсолютное большинство. Сам же купец в данной модели все больше уходит в тень.

Как видно, книга демонстрирует яркий авторский замысел. Ее проблемная новизна и фундаментальность состоят в систематизации массы аспектов, перспективном методе, интересе к рациональности. При анализе языков описания политики серьезное внимание уделено классикам — от античности до XX в. Это выгодно отличает книгу от многих других работ, в том числе базирующихся на постмодернистских подходах, которые, отчасти за счет своих нарочитых вокабуляров, завывают собственную новизну. Между тем многие вопросы были поставлены еще в античности, причем с античной ясностью. Таковы, в частности, вопросы о языке и этическом релятивизме, высеченные софистами (с. 151—152). Помимо авторов, на которых в политической науке ссылаются постоянно, Коктыш привлек и тех, кого по большей части игнорируют (например, Джеймса Милля) или упоминают крайне редко (Дюмезиля). При этом он избегает как отрыва текстов прошлого от исторического контекста (в угоду презентизму или абстрактным вневременным трактовкам), так и «заточения» их в такого рода контексте.

Однако едва ли кому-то по силам «схватить за язык» левиафа-на⁷ — книга Коктыша значима еще и тем, что выводит нас на ряд важных направлений для дискуссии. Одно из них связано опять же со сложнейшим понятием рациональности. Коктыш следует популярной трактовке Просвещения, критикующей его за то, что оно объявило человеческий разум основой Модерна, осудив на «неразумие» всю пре-

⁷ *Иов 40:20.*

дыдущую историю (с. 19, 29). Конечно, у просветителей, как и у всяких мыслителей, были свои заблуждения. Вместе с тем как минимум самые глубокие из них не смотрели на разум как на панацею, внепространственную и вневременную универсалию, чей триумф наконец наступил. Монтескье подчеркивал, что «сам излишек разума не всегда желателен». Даже для свободной нации «страсти» значат больше, чем «разум, который никогда не оказывает великих воздействий на дух людей»⁸. Философ задавался вопросом, не стоит ли разделять случаи, когда нужно «единообразие», а когда — «различия», тем самым не настаивая на единых законах для всех людей⁹. Отвергал он и соблазн презентизма — «переносить в отдаленные века все идеи века, в котором живешь»¹⁰. О средневековье он отзывался не уничижительно, а писал о нем много, и порой позитивно¹¹. Или, например, читаем у Эдварда Гиббона: «полезный предрассудок, освященный временем и общественным мнением, производит такое же действие, как истина»¹². Он тоже осуждал презентизм: лишь «невежественный век применяет свой собственный язык и свои нравы к самым отдаленным временам»¹³. Иногда прошлое восточных «варваров» для него лучше европейского: религиозные идеи Чингисхана заставляют стыдиться католической инквизиции¹⁴.

Коктыш также считает, что рациональность в социальных науках не универсальна, а привязана к своей эпохе, стремлению института распространить свои смыслы или желанию индивида обрести некий статус или повысить имеющийся (с. 29, 43). Но такой взгляд представляется слишком релятивистским, ограниченным. В термине «рационализм», который часто использует Коктыш, сам суффикс наводит на мысль об идеологии; однако рациональность не всегда является лишь чьим-то идеологическим оправданием. Конечно, рациональность никогда не бывает совершенной, и в этом плане уместны ссылки, скажем, на критику идеологии Фридрихом Энгельсом и открытие подсознания Зигмундом Фрейдом (с. 22). Но она не сводима ни к «классовому интересу», ни к «бессознательному», ни к «воле к власти»¹⁵, поскольку поддается рациональным же корректировкам. Хотя Коктыш рассматривает в основном не индивидуальную рациональность, это только поднимает проблему на уровень выше: рациональность тогда становится лишь производной общественной эпохи или института. Между тем неверно считать рациональным некритическое следование любым текущим предпочтениям как индивида, так и группы¹⁶. Таким образом, в книге остается непроработанным затронутый самим Коктышем вопрос: как рационально оценить содержание целей людей, сопоставить цели? Разумеется, цели людей различны. И все же нужно учитывать попытки превзойти релятивизм, взглянуть на рациональность более предметно¹⁷. При этом нерелятивистские взгляды на рациональность вовсе не обязательно ведут к восприятию ее как некоей единой для всех культур и эпох догмы¹⁸. В контексте Постмодерна, плюрализма как реакции на глобализацию, о чем пишет и автор (с. 308—309), рациональность необходима и для уважения многообразия, и для ориентации в нем.

⁸ *Montesquieu 1876—1878: IV: 346.*

⁹ *Ibid.: V: 412.*

¹⁰ *Ibid.: V: 448.*

¹¹ *См., напр. Ibid.: V: 220—221.*

¹² *Гиббон 2004—2008: III: 106.*

¹³ *Там же: VII: 56, сноска 58.*

¹⁴ *Там же: VII: 83.*

¹⁵ *Putnam 1998: 157.*

¹⁶ *O'Neill 2003.*

¹⁷ *Ibidem; Putnam 1998; Steinberger 2015; Gudalov 2021.*

¹⁸ *Putnam 1998; Gudalov 2021.*

Мало лишь констатировать разнообразие; в политике приходится еще и понимать Других, оценивать их отношение к Нам, выстраивать практику — и рациональность остается пусть несовершенным, но динамичным и лучшим из доступных человеку инструментом решения всех этих задач. Кроме того, если Коктыш рассматривает рациональность как весьма ограниченную исторически, то неясно, каков статус его собственной рациональности как исследователя. Если любая рациональность не более чем продукт конкретной эпохи, как же ему самому удалось понять прошлые эпохи, верифицировать книгу историческим материалом (с. 9)?

На другое направление для дискуссии выводит представленный в книге анализ англо-американской модели демократии, где господствует логика купца, который, по оценке автора, генерирует не общезначимые, а сугубо частные смыслы «на продажу»¹⁹. «Экономическую» фигуру Коктыш слишком сужает. Само слово «купец» провоцирует сведение экономики исключительно к торговле. Но экономическое воспроизводство невозможно без собственно производства, творчества. А это предполагает более оптимистичную оценку экономических институтов: они могут создавать не только частные, но и общезначимые смыслы.

Англо-американская модель выглядит несколько упрощенной. Заключение автора, что в протестантизме «общества нет» (с. 247), — явное преувеличение. С точки зрения Коктыша, протестантское расщепление общества стало в итоге основой «симулякров Постмодерна» (с. 247). Но почему тогда постмодернизм не менее, а скорее более влиятелен в философии Франции, где никогда не доминировал протестантизм, чем в англосаксонской? Индивидуализм же последней не надо гиперболизировать. Так, у Джона Ролза, помимо индивидуалистических идей, о которых пишет Коктыш, есть и та идея, что индивид вполне оформляется только через отношения с другими, в том числе жившими ранее, людьми²⁰. А у Дональда Дэвидсона рациональность логически увязана с языком, диалогом с Другими²¹.

Но особого внимания здесь заслуживает Гоббс, в котором Коктыш видит основу английской модели с ее индивидуализмом, господством собственности, свободы и купца. Между тем в книге о языке было бы уместно учесть трактовку, согласно которой язык — одна из центральных тем у Гоббса. Он не просто считал язык необходимым для мышления²², но и совершил «лингвистический поворот» в политической теории²³. Гоббс дал нововременную формулировку идеи о том, что истина создается и может быть доподлинно известна только ее создателю²⁴. Так, математические объекты создаются человеком, и потому математика точна, научна. Ей должна уподобиться политика²⁵. Истина здесь устанавливается «общим согласием носителей одного языка (как неким соглашением, необходимым для человеческого общества)»²⁶. Суверен «правит с помощью слова»²⁷, определяя, что подданный «должен называть своим и что чужим... справедливым и несправедливым, честным и бесчестным, хорошим и плохим»²⁸. Гоббса вполне можно

¹⁹ *Примечательно, что подробное исследование демократий, где три института находятся в относительном балансе, в монографии отсутствуют.*

²⁰ Rawls 1971: 264—265, 520—529, 565, 583—584.

²¹ Gudalov 2021.

²² Pettit 2008.

²³ Ball 1985.

²⁴ *Ibidem*; Pettit 2008; Struever 2009: 59.

²⁵ Hobbes 2003b: 4—5.

²⁶ *Ibid.*: 237.

²⁷ Hobbes 2003a: 246. См. также Ball 1985.

²⁸ Hobbes 2003b: 79.

- обсуждать в терминах социального конструирования и интерсубъективности²⁹.
- ²⁹ Williams 2005: 49—50.
- Мало того, сам взгляд на язык как на социальную конвенцию показывает, что Гоббс не однозначный индивидуалист. Он отделял социальную науку от попыток объяснения реальности через человеческое тело, индивидуальные «способности и страсти»³⁰ (тем более что даже последние нередко отражают *общественные* представления о чести и власти³¹). Разум — как минимум обывателя — не есть нечто фиксированное: власть может внушить человеку все что угодно³². Гоббс даже писал, что в случае рождения «деформированной фигуры», определять, человек ли это, следует не исходя из некоего естественного понимания человека, а в соответствии с волей государства³³.
- ³⁰ Hobbes 2003b: 13.
- ³¹ Hobbes 2003a: 42. См. также Hobbes 2003b: xx—xxi.
- ³² Hobbes 2003a: 233.
- Наконец, гарантированы ли у Гоббса собственность и свобода протестантского купца? Коктыш считает гоббсовского суверена абсолютным, но не тираничным или произвольным (с. 210). Однако Гоббс явно защищал «произвольное» (arbitrary) правление, в том числе от тех, кто критиковал его как «тиранию»³⁴. Согласно Гоббсу, подданные могут не подчиняться суверену, только если он больше не защищает их *безопасность*, но не собственность или свободу³⁵. На имущество подданных суверен имеет полное право³⁶. По Гоббсу, свобода людей была одинаковой в Османской империи и республике Лукка³⁷. Даже «истинную философию» нужно подавлять, если она не отвечает какому-то из законов суверена³⁸. Суверен трактует религию по своей воле, причем вовсе не обязан поддерживать какую-либо из конфессий. Но он точно не терпит ни серьезного религиозного плюрализма, ни отсутствия иерархии. Сам Гоббс порицал папу римского, но полагал, что тех, кто делал бы это при королеве Марии, следовало сжечь³⁹. И, разумеется, он резко критиковал революционеров 1640—1660-х годов (включая пресвитериан и индependентов) и попытки ограничить право монарха на налогообложение⁴⁰.
- ³³ Hobbes 2003b: 215.
- ³⁴ Hobbes 2003a: 471.
- ³⁵ Williams 2005: 41.
- ³⁶ Hobbes 2003a: 224—225.
- ³⁷ Ibid.: 149.
- ³⁸ Ibid.: 474.
- ³⁹ Hobbes 2005: 42.
- ⁴⁰ Hobbes 2010.

Таким образом, монография показывает, насколько важны — и неуловимы — понятия политической науки. Язык почти всегда многозначен. Разум, который, конечно, часто служит чьим-то интересам, разумным же образом выходит за их пределы, критикует их. Мыслители уровня Гоббса могут использоваться по-разному. Сама книга Коктыша — очередное, и весомое, слово в рациональной дискуссии о политике.

Библиография

- Гиббон Э. (2004—2008) *История упадка и разрушения Римской империи*. СПб.: Наука.
- Дюмезиль Ж. (1986) *Верховные боги индоевропейцев*. М.: Наука. URL: <https://nordxp.3dn.ru/religionknow/dumezil.pdf> (проверено 23.02.2022).
- Коктыш К.Е. (2016а) «Онтология рационального (I)» // *Полития*, № 2 (81): 33—54. URL: <http://politeia.ru/files/articles/rus/771.pdf> (проверено 23.02.2022).

Коктыш К.Е. (2016b) «Онтология рационального (II)» // *Полития*, № 3 (82): 6—30. URL: http://politeia.ru/files/articles/rus/2016_03_01.pdf (проверено 23.02.2022).

Коктыш К.Е. (2016c) «Онтология рационального (III)» // *Полития*, № 4 (83): 6—24. URL: http://politeia.ru/files/articles/rus/2016_04_01.pdf (проверено 23.02.2022).

Коктыш К.Е. (2017) «Онтология рационального (IV)» // *Полития*, № 1 (84): 46—71. URL: [http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2017-1\(84\)-46-71.pdf](http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2017-1(84)-46-71.pdf) (проверено 23.02.2022).

Коктыш К.Е. (2019) «Английский концепт свободы: опыт деконструкции» // *Полития*, № 2 (93): 48—65. URL: [http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2019-2\(93\)-48-65.pdf](http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2019-2(93)-48-65.pdf) (проверено 23.02.2022).

Ball T. (1985) «Hobbes' Linguistic Turn» // *Polity*, vol. 17, no. 4: 739—760.

Gudalov N. (2021) «Interpretation and Rationality: Developing Donald Davidson's Ideas in International Political Theory» // *Theoria: A Journal of Social and Political Theory*, vol. 68, no. 2: 39—65. URL: https://www.researchgate.net/publication/352672765_Interpretation_and_Rationality_Developing_Donald_Davidson's_Ideas_in_International_Political_Theory (accessed on 23.02.2022).

Gunnell J. (2020) *Conventional Realism and Political Inquiry: Channeling Wittgenstein*. Chicago: University of Chicago Press.

Hobbes T. (2003a) *Leviathan*. Cambridge: Cambridge University Press.

Hobbes T. (2003b) *On the Citizen*. Cambridge: Cambridge University Press.

Hobbes T. (2005) *A Dialogue between a Philosopher and a Student of the Common Laws of England*. Oxford: Oxford University Press.

Hobbes T. (2010) *Behemoth or The Long Parliament*. Oxford: Oxford University Press.

Montesquieu Ch.-L. (1876—1878) «De l'esprit des lois» // Montesquieu Ch.-L. *Oeuvres Complètes*. Vol. III—VI. Paris: Garnier Frères.

O'Neill O. (2003) «Four Models of Practical Reasoning» // O'Neill O. *Bounds of Justice*. Cambridge: Cambridge University Press: 11—28.

Pettit P. (2008) *Made with Words: Hobbes on Language, Mind, and Politics*. Princeton, Oxford: Princeton University Press.

Putnam H. (1998) *Reason, Truth and History*. Cambridge: Cambridge University Press.

Rawls J. (1971) *A Theory of Justice*. Cambridge (MA): Harvard University Press.

Steinberger P.J. (2015) «Rationalism in Politics» // *American Political Science Review*, vol. 109, no. 4: 750—763.

Struever N.S. (2009) *Rhetoric, Modality, Modernity*. Chicago, London: University of Chicago Press.

Williams M.C. (2005) *The Realist Tradition and the Limits of International Relations*. Cambridge: Cambridge University Press.



πολιτικά

N.N.Gudalov

THREE FACES OF LEVIATHAN: RATIONALITY, INSTITUTIONS, IDEAS

**Koktysh K.E. The Discourse of Rationalism, Freedom and Democracy.
Moscow: MGIMO-University, 2021. – 320, [1] p.**

Nikolay N. Gudalov — Ph.D. in Political Science; Associate Professor at the Department of European Studies, Faculty of International Relations, St Petersburg State University. Email: n.gudalov@spbu.ru.

Abstract. The monograph written by Kirill Koktysh is devoted to the issues of constructing languages of Political Science. These languages are diverse, but the author analyzes them through three basic concepts — rationalism, institutions and ideas. Masterfully combining a limited number of concepts, he builds a large-scale construction, showing in detail how one can study languages for describing politics.

According to Koktysh, the rational is constructed by specific institutions. He identifies three institutions that go back to the three functions of the Indo-European gods, highlighted by Georges Dumézil. These institutions correspond to the three functions of politics — “leader” (makes decisions), “priest” (forms and maintains norms) and “merchant” (is engaged in economic reproduction). These institutions seek to extend their rationality to the society at large, using for this purpose three “big ideas” — order, justice, and freedom. According to the author’s conclusion, the institutions of the leader and the priest form the basis of stable social conditions — “political architectures”, and it is the relations between them that determine the specifics of such “architectures”. At the same time, the book pays attention not only to statics, but also to dynamics. The cognitive-structural method used by the author allows him to explore the transformations of the societies through the analysis of changes in rationalism, institutions and ideas.

Koktysh’s book is valuable not only due to the novelty of its research question and fundamental nature, but also because it outlines important directions for further discussion. One of these directions concerns the popular criticism of the Enlightenment, with which the author agrees, as well as the justification for reducing rationality to mere derivatives of certain social contexts. Another direction for a discussion is about the evaluation of the Anglo-American model of democracy, which is denied the ability to produce generally valid meanings. In many ways, this book per se represents a significant contribution to a rational discussion of politics, convincingly demonstrating how complex and elusive the concepts of Political Science are.

Keywords: Political Philosophy, political concepts, rationality, institutions, ideas

References

- Ball T. (1985) “Hobbes’ Linguistic Turn” // *Polity*, vol. 17, no. 4: 739–760.
- Dumezil G. (1986) *Verkhovnye bogi indoevropейtsev* [Les dieux souverains des Indo-Européens]. Moscow: Nauka. URL: <https://nordxp.3dn.ru/religionknow/dumezil.pdf> (accessed on 23.02.2022). (In Russ.)
- Gibbon E. (2004–2008) *Istorija upadka i razrusheniya Rimskoj imperii* [The History of the Decline and Fall of the Roman Empire]. St Petersburg: Nauka. (In Russ.)
- Gudalov N. (2021) “Interpretation and Rationality: Developing Donald Davidson’s Ideas in International Political Theory” // *Theoria: A Journal of Social and Political Theory*, vol. 68, no. 2: 39–65. URL: https://www.researchgate.net/publication/352672765_Interpretation_and_Rationality_Developing_Donald_Davidson’s_Ideas_in_International_Political_Theory (accessed on 23.02.2022).
- Gunnell J. (2020) *Conventional Realism and Political Inquiry: Channeling Wittgenstein*. Chicago: University of Chicago Press.
- Hobbes T. (2003a) *Leviathan*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Hobbes T. (2003b) *On the Citizen*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Hobbes T. (2005) *A Dialogue between a Philosopher and a Student of the Common Laws of England*. Oxford: Oxford University Press.
- Hobbes T. (2010) *Behemoth or The Long Parliament*. Oxford: Oxford University Press.
- Koktysh K.E. (2016a) “Ontologija ratsional’nogo (I)” [Ontology of Rational (I)] // *Politeia*, no. 2 (81): 33–54. URL: <http://politeia.ru/files/articles/rus/771.pdf> (accessed on 23.02.2022). (In Russ.)
- Koktysh K.E. (2016b) “Ontologija ratsional’nogo (II)” [Ontology of Rational (II)] // *Politeia*, no. 3 (82): 6–30. URL: http://politeia.ru/files/articles/rus/2016_03_01.pdf (accessed on 23.02.2022). (In Russ.)
- Koktysh K.E. (2016c) “Ontologija ratsional’nogo (III)” [Ontology of Rational (III)] // *Politeia*, no. 4 (83): 6–24. URL: http://politeia.ru/files/articles/rus/2016_04_01.pdf (accessed on 23.02.2022). (In Russ.)
- Koktysh K.E. (2017) “Ontologija ratsional’nogo (IV)” [Ontology of Rational (IV)] // *Politeia*, no. 1 (84): 46–71. URL: [http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2017-1\(84\)-46-71.pdf](http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2017-1(84)-46-71.pdf) (accessed on 23.02.2022). (In Russ.)
- Koktysh K.E. (2019) “Anglijskij kontsept svobody: opyt dekonstruktsii” [English Concept of Freedom: Experience of Deconstruction] // *Politeia*, no. 2 (93): 48–65. URL: [http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2019-2\(93\)-48-65.pdf](http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2019-2(93)-48-65.pdf) (accessed on 23.02.2022). (In Russ.)
- Montesquieu Ch.-L. (1876–1878) “De l’esprit des lois” // Montesquieu Ch.-L. *Oeuvres Complètes*. Vol. III–VI. Paris: Garnier Frères.

O'Neill O. (2003) "Four Models of Practical Reasoning" // O'Neill O. *Bounds of Justice*. Cambridge: Cambridge University Press: 11—28.

Pettit P. (2008) *Made with Words: Hobbes on Language, Mind, and Politics*. Princeton, Oxford: Princeton University Press.

Putnam H. (1998) *Reason, Truth and History*. Cambridge: Cambridge University Press.

Rawls J. (1971) *A Theory of Justice*. Cambridge (MA): Harvard University Press.

Steinberger P.J. (2015) "Rationalism in Politics" // *American Political Science Review*, vol. 109, no. 4: 750—763.

Struever N.S. (2009) *Rhetoric, Modality, Modernity*. Chicago, London: University of Chicago Press.

Williams M.C. (2005) *The Realist Tradition and the Limits of International Relations*. Cambridge: Cambridge University Press.